

ский дневник. Что греха таить, я был тогда мелод и потому... немножко с л и ш к о м «толстовец». К своему дневнику я старался относиться объективно, почти как к художественной задаче, но все-таки кое-где я сознательно отступил от беспристрастия. Образ Льва Николаевича представлялся мне таким прекрасным, таким светлым и в то же время цельным, что я боялся, как бы некоторые, — довольно мелкие, впрочем, — черточки не нарушили этого образа в представлении моих читателей.

Разумеется, это была ошибка, — ошибка во всех отношениях.

С тех пор, хотя я и дополнил последующие издания моей книги, ошибка эта оставалась не исправленной: все дополнения, сделанные мною для печати, в том числе и недавно опубликованные отрывки под названием «Трагедия Л. Толстого», — все это вошло, по крайней мере, в подлинную рукопись моего дневника. Но были вещи, не вошедшие и в рукопись.

Вот эти-то вещи, все замолчанное мною до сих пор о Толстом, я и хочу здесь передать.

Один раз Лев Николаевич рассердился на меня. Дело было так.

Я только что переехал в Ясную Поляну, из Москвы, где числился студентом университета. Не в буквальном смысле «только что», а прожил, может быть, один или два месяца в Ясной Поляне.

Александра Львовна, также помогавшая Льву Николаевичу, была больна корью, и вся канцелярская работа лежала на мне.

Между тем, я получил из Москвы извещение,